

Maria E. Ruth

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Some Considerations on Russian Patronymics

Voprosy onomastiki, 2021, Vol. 18, Issue 1, pp. 224–236

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.011

Language of the article: Russian

Рут Мария Эдуардовна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Вокруг отчества: почти публицистические заметки

Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 224–236

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.011

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ТРИБУНА ОНОМАТОЛОГА

DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.011
УДК 811.161.1'373.232.2 + 81'373.23 +
+ 159.943

М. Э. Рут
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ВОКРУГ ОТЧЕСТВА: ПОЧТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Поводом для создания данных заметок послужила опубликованная в журнале «Вопросы ономастики» статья Б. Ю. Нормана и Н. Райноховой о роли отчества в русской номинативной традиции и культуре (Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2). Никоем образом не оспаривая изложенных в статье положений, автор пытается более подробно обсудить вопрос о возникшей сравнительно недавно в русском обществе тенденции отказа от употребления отчеств и даже воинствующего неприятия их. Признавая эту тенденцию достаточно активной, автор останавливается на причинах ее существования, среди которых прежде всего видится отрицательное отношение ко всем без исключения константам советского строя. Поскольку употребление отчеств в официально закреплённой полной формуле личного именованья стало обязательным именно после 1917 г., постольку оно объявляется советским пережитком. В качестве второй причины указывается тесное взаимодействие россиян с зарубежными партнерами, а также длительное пребывание за рубежом, свободное владение иностранными языками, прежде всего английским, — отсюда усвоение западных традиций именованья, не предполагающих именованья по отцу. Особенно остро воспринимается необходимость наличия отчества в официальных документах при получении российского гражданства детьми из смешанных семей. В качестве причин отмечаются также позиция российских СМИ, предпочитающих неиспользование отчеств в своих новостных программах и ток-шоу, и увеличение количества неполных семей, в которых нет отца, когда необходимость регистрации отчества влечет за собой сложные формальные и психологические проблемы. Признавая существенность этих проблем, автор все же считает их в той или иной степени маргинальными и подчеркивает актуальность отчества для современной русской культуры и номинативной практики.

© Рут М. Э., 2021

Источником материала для заметок послужил контент интернет-форумов, а также личные записи автора.

Ключевые слова: антропонимия, отчество, функции отчества, номинативное поведение, официальное именование, патроним, матроним, русский антропонимикон.

Считаем ли мы отчество символом русской культуры [Норман, Райнохова, 2020] или вообще отрицаем его необходимость [ср.: Отчества не нужны], до сих пор они существуют как факт, поддерживаемый официальными документами (хотя в современных анкетах в графе «Отчество» и появилась в скобках помета: «если есть») и традиционно обязательный в официальном общении. Между тем нетрудно заметить, что отчество постепенно вытесняется из масс-медиа, необходимость его использования подвергается сомнению на форумах в Сети. См., например, развернутую дискуссию «Нужно ли нам отчество» [Шенгелия, 2010], собравшую 275 реплик подписчиков журнала «Сноб»¹, большинство из которых считают, что отчества отмирают.

Разумеется, существование отчества, как и любого факта языка, не определяется ни указаниями свыше, ни решением с помощью общего голосования, поэтому нет смысла требовать искоренить его как «пережиток тоталитарного режима» (Александр Липницкий) или настаивать на его обязательном употреблении, поскольку «исчезновение отчества будет большой культурной потерей» (Максим Кронгауз). Вместе с тем современное положение отчества в языке в целом и в русском антропонимиконе в частности заслуживает внимания, так как высвечивает целый ряд социальных и психологических ситуаций.

Думается, возникающие споры связаны с особым положением отчества в русской формуле именования человека. Среди всех функций отчества, в целом совпадающих с функциями личного именования вообще, выделяется функция социализации (Б. Ю. Норман и Н. Райнохова [2020, 329–331] говорят о матурационной, статусной и гонорификативной функциях, когда отчество указывает соответственно на взросление личности, ее высокий статус и манифестирует уважение к именуемому, но представляется более экономным эти функции объединить) — отчество призвано прежде всего указывать на социальную зрелость человека и его значимость по отношению к социуму. Все остальные функции отступают на задний план. При этом необходимо признать, что подобное отношение к отчеству сознательно формировалось за счет закрепления за формами на *-вич* особого почетного статуса и указами Петра I, и «Табелью о рангах» Екатерины II. «Полуотчества» на *-ов* (этот термин тоже идет из того же источника,

¹ Поскольку данная дискуссия достаточно представительна и прозвучавшие в ней мнения кажутся весьма показательными, позволим себе далее обращаться к ее материалам без дополнительных ссылок, лишь указывая в круглых скобках автора того или иного высказывания.

и его несколько пренебрежительный оттенок очевиден), и тем более просто имена, не были столь привлекательны.

Естественным был шаг советского государства, уравнивший всех «по верхней границе» и сделавший «почетную» форму — отчество — общеупотребительной и к тому же обязательной. Предписанность употребления отчеств сделала их официальными. Поскольку официализация не шла вразрез со сложившимися традициями именования личности, она была принята без какой-либо негативной оценки.

Современное отрицательное отношение к отчествам — явление достаточно новое. По крайней мере, в советское время как-то не приходилось с этим встречаться, тем более в такой мере, как сейчас. При этом употребление отчества далеко не всегда было обязательно: как отмечается многими, обычно отчество не требовалось при именовании, даже вполне официальном, людей искусства, спортсменов и других публичных людей (исключение из этого правила — *Алла Борисовна* для Аллы Пугачевой — возникло уже в эпоху перестройки). Правда, такое именование характерно было только для использования в третьем лице, при обращении обычно отчество «возвращалось». Приведем примеры реализации указанного подхода (используются записи автора, сделанные в 1970-е — 1980-е гг.).

На общем собрании факультета обсуждалось письмо в защиту рисунков Нади Рушевой. Читая письмо, ведущая собрание студентка упомянула имя преподавателя по формуле «полное имя + фамилия». Декан факультета сделал замечание: «Почему преподаватель у Вас назван не по имени-отчеству?». Студентка возразила: «Но мы здесь о *Леониде Петровиче* говорим как о критике, а не как о преподавателе».

Разговаривают две подруги. «Ты добьешься своего обязательно и станешь артисткой!» — «Да, мне ученики говорят: “Надежда Петровна, вы же так хорошо поете. Надо, чтобы Вы дали концерт, и мы афишу сделаем для Вас”. И представляешь, на 8 Марта подарили мне такую афишу: “Поет Надежда Смирнова”».

Заходим за сцену, а там Василий Лановой. Мы подошли, нас представили, он мне даже ручку поцеловал. Я ему: «Василий Семенович (хорошо, что отчество вспомнила, не опозорилась), можно попросить автограф?».

— Ты знаешь, как у Бродского отчество? — Знаю: Александрович. А зачем Иосифу Бродскому вдруг отчество? Ты надеешься с ним пообщаться?

— И чтобы больше я не видела в сочинениях никаких «Александр Сергеевич написал». Это Вам не сосед на лестничной площадке! Великий русский поэт Александр Пушкин!

Конечно, из этого правила были и есть исключения. Именования типа *Александр Сергеевич Пушкин*, *Лев Николаевич Толстой*, вопреки категорическому

требованию из последнего примера, вполне частотны. Наверное, многим вспоминаются школьные литературные викторины, когда наряду с прочими заданиями приходилось вспоминать отчества всех программных авторов-писателей. И все-таки далеко не все могут назвать отчество, например, Николая Лескова или Евгения Евтушенко.

В обиходе наличие отчества воспринималось как обязательный маркер старшего по возрасту человека или человека, находящегося при исполнении своих служебных обязанностей (чиновника, педагога, врача и т. п.). Конечно, могли возникать определенные произносительные трудности — самой нередко приходилось слушать забавные, а иногда и обидные (не умышленные) искажения собственного отчества *Эдуардовна*. Тем не менее трудно представить высказывания, подобные тем, что звучат сейчас:

Необходимость выговаривания отчеств — одна из ментальных несурзаиц, совокупность которых складывается в неэффективность российского общественного обустройства. Представьте себе, что на произнесение отчества человек тратит не менее полутора секунд. Положим, в среднем человек обращается по отчеству тридцать раз на день. За 70 лет такой человек потратит понапрасну 320 часов своей жизни. А если перемножить эти часы на количество жителей? В моем калькуляторе столько знаков не помещается. И еще. Обращение по отчеству несет в себе сковывающий разум пиетет. В результате само произнесение отчества ограничивает возможность высказывания творческих идей во время, например, мозгового штурма. В результате сокращается творческий потенциал российского общества. <...> Отчество же — архаичная ментальная конструкция, которая живет в сознании русского человека и влияет на это сознание не самым лучшим образом (Денис Смыслов);

Я думаю, что отчества в общении надо отправить на свалку истории. Очень уж формально это звучит, официально, а форма «фамилия-имя-отчество» — это вообще как-то по-советски-тюремному (Саша Рязанцев);

Отчества кажутся мне абсолютным пережитком. Когда учительница моей дочки называет меня по имени-отчеству, я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, к кому же она обращается (Маша Гессен);

Отчеством пользуются нынче разве что какие-то заскорузлые чиновники и унылые госаппаратчики. Плюс представители вымирающего вида чопорно-вежливых интеллигентов (Стас Жицкий);

Моя подруга говорила, что по отчеству к ней обращались только чекисты (Татьяна Матанцева).

Приведенные цитаты из упомянутой выше дискуссии поражают активным неприятием отчества как части личного именованя. Разумеется, это только личные мнения, но они выражают определенный настрой (его наиболее экстремальный уровень) значительной части социума.

Обозначим причины данного явления.

Прежде всего это неприятие всего советского, ярко проявившееся в процессе перестройки и в постперестроечный период. При этом не учитывается, что отчества — отнюдь не изобретение советского периода. Тезис «советское — значит, плохое» порождает негативную оценку многих явлений действительности, которые отнюдь не всегда мотивированы характерными параметрами одиозной эпохи. При этом возникает ощущение, что противники отчества как части формулы личного именованья считают, что именованье по имени-отчеству в советское время было обязательным для всех и в любой обстановке, даже в кругу семьи. В частности, некоторые участники дискуссии «Нужно ли нам отчество» с гордостью вспоминают, как называли, например, свою свекровь: *тетя Рузя*, соседей звали *дядями* и *тетями* (надо полагать, оценивая такое номинативное поведение как протест против советской действительности), подчеркивают, что современная молодежь не зовет друг друга по имени-отчеству (а раньше, очевидно, звала), и т. п. Есть, правда, и другой подход, тоже, впрочем, предписывающий отчеству чисто советскую принадлежность:

Недавно я была на лекции Гасана Гусейнова, который высказал очень понятную мысль: обращение по имени-отчеству в Советском Союзе сохранилось именно как противовес обращению «товарищ». Маленькое частное сопротивление. Это меня на пару дней почти примирило с очень несимпатичным мне языковым институтом (Маша Гессен).

Интересно, противовесом какому обращению было имя-отчество до 1917 года?

Приведем еще одно, частично уже упоминавшееся, мнение противника отчества:

Отчества не отомрут, пока у нас в стране остается тоталитарная система власти. До тех пор, пока мы не изживем эту вертикаль, у нас так и останутся Владимиры Владимировичи и Дмитриии Анатольевичи. И это будет своего рода индикатор: когда отчества начнут отмирать, это будет означать, что в стране что-то наконец изменилось. У меня в семье никогда никого не называли по имени-отчеству — мы всегда были индивидуалистами — актеры, врачи с частной практикой, гомеопаты, я — музыкант. А отчим — человек системы, он, конечно, Виктор Михайлович (Александр Липницкий).

Очень хочется узнать, как пациенты называли врача с частной практикой — неужели не по имени-отчеству? Что его по имени называли в семье — неудивительно, редко кто близких людей иначе называет. А вот отчима можно называть по имени-отчеству не столько потому, что «человек системы», сколько потому, что именно отчим.

Другими словами, некоторая часть населения склонна считать именно отчество виновником всех бед нашей страны и смело выходит на борьбу с ним.

Другая причина — ориентация на западные, прежде всего американские, традиции именования. «Феномен “отречения от отчества”, несомненно, спровоцирован влиянием западноевропейских языков» [Норман, Райнохова, 2020, 329; Норман, 2017, 205]. Для современной России характерно активное культурное и экономическое взаимодействие с Западом, многие россияне живут за рубежом или посылают туда учиться своих детей. Тот факт, что во многих странах Европы и в США отчество нет, воспринимается как явное преимущество именования, тем более что русские отчества трудно адаптируются к иностранным языкам. Сложившийся на международных переговорах или во время пребывания за рубежом стереотип общения начинает оцениваться как наиболее приемлемый, оптимальный («за границей все лучше, чем у нас»). Конечно, именования по отцу представлены не только в России, но и во многих других странах, но все они не столь посещаемы, чтобы оказывать влияние на номинативное поведение русских.

Большинство сторонников «европейских норм» личного именования стремятся ограничить использование отчеств чисто официальными рамками:

Честно скажу, что, когда кто-то из друзей говорит: «А что по этому поводу думает Полина Евгеньевна?» — от пафосности и комичности момента я улыбаюсь и отвечаю в той же ироничной манере. Когда ко мне так обращается страховый агент, или человек, который смотрит в мою медицинскую карту, или сотрудник автосервиса, я отношусь к этому как к данности (Полина Шершнева);

Я очень давно представляюсь по имени и фамилии, отчество слышу только во всяких присутственных местах от чиновников или клерков... Лично мне бы хотелось, чтобы отчество из обращения исчезло, честно говоря (Илья Басс).

Необходимость зарегистрировать отчество ребенка, родившегося в браке с иностранцем, тоже добавляет негатива, поскольку образование отчества от иностранного имени нередко весьма проблемно и выглядит почти анекдотично:

Девушка вышла замуж за англичанина по имени Патрик, родила от него дочку, которую назвали интернациональным именем Елизавета. Как королеву. Решила оформить дочке двойное гражданство. Когда получила на руки русские документы, то была в замешательстве. Девочке присвоили отчество Патрикеевна, объясняя тем, что формы Патриковна не существует. Так и стала девочка Лисой Патрикеевной по воле сотрудниц загса [Ложь в моем паспорте].

Хочется отметить, что «воля» сотрудниц загса тут ни при чем, ведь отчество у девочки появилось отнюдь не по их вине. Имя *Патрикей* — славянский дублет английского имени *Патрик*. Если бы супруга звали *Андрэ*, отчество было бы *Андреевна*, *Пьер* — *Петровна* и т. п. Отчество *Патриковна* в силу своей чужеродности выглядит ничуть не лучше, чем *Патрикеевна*. И *Елизавета Патрикеевна* (а не *Лиса Патрикеевна*, кстати) звучит совсем не плохо. С другой стороны, возможны и вполне понятны возражения со стороны отца, не узнающего собственного

имени в паспорте дочери. Именно в таких случаях, наверное, стоило бы отказаться от отчества вообще, и, кажется, такая возможность уже становится реальностью.

Впрочем, межъязыковые проблемы — это одно, а отрицание традиционной формы именовании в своей стране — несколько другое.

Свою лепту в борьбу с отчествами вносит ярко выраженная установка на их искоренение, характерная для СМИ. Участвуя в теле- и радиопередачах, я уже привыкла, что меня представляют: *Мария Рут*, хотя в эфире большинство ведущих обращаются ко мне по имени-отчеству. На мои возражения, возникавшие на первых порах, журналисты отвечали примерно так: «Извините, но отчество в титры не влезает». А когда я обращала их внимание на то, что с моей фамилией это не проблема, появлялся другой аргумент: «Знаете, в Европе никаких отчеств нет, и ничего». Перенимая богатый опыт своих зарубежных коллег, наши журналисты заодно переняли и именование без отчеств. Правда, здесь можно увидеть и упомянутую выше вполне традиционную модель именовании «имя + фамилия» для публичных персон.

Учитывая, что отчество подчеркивает возраст человека, можно понять тот азарт, с которым еще не успевшее состариться постперестроечное поколение старается отделаться от «величания». Да и уже зрелые люди, особенно дамы, не прочь выглядеть моложе, поэтому стараются избавиться от отчества — так же, как от морщин и седых волос. Тем самым матурационная функция, выделенная Б. Ю. Норманом и Н. Райноховой, как бы выворачивается наизнанку: отчество демонстрирует не зрелость, обретение взрослости, а старение (ср.: «И вот уже зовут по отчеству, а в детство заглянуть так хочется...»).

Я очень люблю отчества, хотя не люблю, когда меня по отчеству называют. В России по отчеству меня называли только несколько раз — школьники, когда я проходила педпрактику в университете, и родители школьников, у которых я репетиторствовала. И мне казалось, что отчество старит (Татьяна Матанцева).

Необходимо назвать и еще одну — весьма острую — причину, по которой отношение к отчеству становится негативным. В современном российском обществе много неполных семей, в которых ребенок по тем или иным причинам вообще не знает отца. В таких случаях Федеральный закон № 143-ФЗ от 15.11.1997 г. «Об актах гражданского состояния» (с изменениями и дополнениями) регулирует официальную регистрацию следующим образом:

В случае, если мать не состоит в браке с отцом ребенка и отцовство в отношении ребенка не установлено, имя ребенка записывается по желанию матери, отчество — по имени лица, указанного в записи акта о рождении в качестве отца ребенка, фамилия ребенка — по фамилии матери.

В случае, если по желанию матери, не состоящей в браке с отцом ребенка, сведения об отце ребенка не вносятся в запись акта о рождении, отчество ребенка записывается по указанию матери.

В случае, если законом субъекта Российской Федерации, основанным на нормах Семейного кодекса Российской Федерации, предусмотрен иной порядок присвоения фамилии и определения отчества ребенка, запись фамилии и отчества ребенка при государственной регистрации рождения производится в соответствии с законом субъекта Российской Федерации [№ 143-ФЗ].

На плечи молодой женщины ложится груз сложного решения, принятие которого может во многом определить дальнейшую судьбу семьи. Согласно данным одного из сайтов для родителей, выбор отчества ребенка осуществляется следующим образом:

- по имени биологического отца — 38 % респондентов;
- такое же отчество, как у матери (по имени бабушки) — 33 %;
- любое, которое будет красиво сочетаться с именем — 18 %;
- по имени матери (особенно если женщину зовут *Александра, Евгения, Валерия* и т. д.) — 7 %;
- в честь уважаемого человека — писателя, актера, художника и т. д. — 2 %;
- любое, наугад — 2 % [Астрожникова, 2019].

Цифры свидетельствуют, что в подавляющем большинстве случаев (78 %) выбор отчества определяется осознанием его реального статуса — указания на род. В качестве представителя рода может выступать биологический отец (и это не только следование традиции, но и в ряде случаев определение дальнейшей стратегии отношений), старейшина рода, в качестве которого выступает отец матери (ср. др.-рус. *Ольговичи* ‘внуки Олега’; в современной ситуации более глубокое погружение в родословную редко осуществляется, но вспомним ставшее крылатым «Рюриковичи мы», а также тот факт, что именование по пращуре стало нашими фамилиями), наконец, сама мать как представитель рода (что вполне объясняется современной ролью женщины в семье, далекой от прежней патриархальной модели).

Выбор матронима (или «матчества»), вполне мотивированный социально, до сих пор встречает устойчивое административное сопротивление — работники загсов отказываются фиксировать в качестве отчества формы, образованные от женских имен, не коррелирующих с мужскими. Нередко успешность достижения желаемого результата определяется степенью упорства представителей ребенка и степенью консервативности чиновников.

Лет 15 назад мне пришлось столкнуться с совершенно нетипичным фактом: на кафедру обратилась супружеская чета, желающая дать ребенку (дочери) отчество по имени матери (в ситуациях с именованием ребенка по имени матери термин *отчество* звучит оксюморонно) *Никовна* (мать носит имя *Ника*), причем на таком решении настаивал именно супруг, произнося пламенные речи о ведущей роли матери в появлении и дальнейшем воспитании ребенка. Сочувствие к работникам загса побудило меня постараться отговорить родителей, что не увенчалось

успехом: меня обвинили в косности, в непонимании роли женщины в обществе и т. п. Продолжая считать, что в присутствии отца «матчество» не имеет смысла, я вполне принимаю решение матери-одиночки заполнить графу «Отчество» образованием от собственного имени и надеюсь, что законодательство снимет препоны для таких случаев.

Что касается остальных 22 % респондентов, то ими отчество воспринимается просто как часть имени и выбирается по тем же критериям, что и собственно имя (благозвучие, созвучие другим компонентам полного имени, посвящение известным людям и т. п.). Получается, что меньше четверти респондентов оценивают отчество вне изначально присущего ему семейного, родового статуса, что свидетельствует о достаточно устойчивом положении этого компонента полного личного именованья в обществе.

Впрочем, каким бы ни было отчество, оно может восприниматься болезненно именно ребенком, если отца в семье нет:

Мне кажется, что отчество скорее не нужно. Особенно это касается тех, кто, допустим, рос вообще без отца (или в плохих отношениях с ним — как вариант), и, когда к нему обращаются по имени-отчеству — это лишнее напоминание о нем, и такому человеку (если он тонко восприимчив к словам) может становиться психологически неуютно, имхо (Лидия Скопинцева);

В моих метриках в графе «Отец» указано вымышленное имя. Мама призналась в этом, только когда я была взрослой. Имя настоящего отца так и не озвучила. И вообще ничего о нем не сказала.

— А зачем тебе? Ты пойдешь его искать?

Мама нет уже 12 лет. Все 12 лет я пытаюсь понять ее. И смириться с этой фальшивкой в моих документах. Отчество мне мешало, жало и тянуло [Ложь в моем паспорте].

Если такая проблема возникает, устранить ее необыкновенно трудно. Вот свидетельство женщины — матери, которой близка такая ситуация:

Дочка спросила, кто ее отец. Я ответила, что мы поговорим об этом потом, когда она станет старше. Тогда у нее возник вопрос, откуда взялось отчество. И я объяснила, что ее отчество образовано от имени ее бабушки, поэтому у нас одинаковые отчества. Его имя значит «защитник людей», и он нас через это отчество защищает (личные записи автора).

Характерно, что — невольно или умышленно — мать в разговоре актуализировала родовой статус отчества, подчеркнула семантику защитной силы семьи. Есть основания надеяться, что позитивное отношение к отчеству и к ситуации в целом у ее дочери заложено.

В процессе коммуникации родовая функция отчества выступает весьма приглушенно, на первый план выходит передача нюансов общения:

Отчества дают гораздо больший диапазон: вы можете называть человека по имени-отчеству, просто по отчеству (без имени), можете называть его по имени, причем в разных профессиональных группах разные традиции. В медицинской среде меня называют Андреем Георгиевичем, а в мире искусства — просто Андреем. С другой стороны, странновато, когда уже поседевшие и польсевшие певцы остаются Димами и Наташами. Называть друг друга можно как угодно, но отчества оставляют перед вами гораздо больше возможностей (Андрей Бильжо).

Среди всех профессий в наибольшей степени «притягивает» к себе именование по имени-отчеству профессия педагога.

Придя в аспирантуру из школы, где меня, молодого учителя, конечно, с первого дня называли по имени-отчеству и коллеги, и ученики, я буквально наслаждалась возможностью зваться просто по имени. В первый же год поехал в экспедицию, я подружилась со студентками и была для них, как и для преподавателей факультета, исключительно *Машей*. Но на третьем году аспирантуры пришлось уже читать лекции и вести практические занятия. На кафедре я стала сразу *Марией Эдуардовной*, а подружки-студентки, уже старшекурсницы, по-прежнему звали меня по имени. Мне такое состояние очень нравилось: я чувствовала себя одновременно и равной студентам, и членом педагогического коллектива. Помню, как прибежал пятикурсник и испуганно спросил: «Ты у нас еще Маша или уже Мария Эдуардовна? А то подхожу к Петьке (это был выпускник прошлого года, сразу ставший преподавателем), говорю: “Петька, закурить есть?”. А он: “Кому Петька, а кому Петр Иванович!”. Нет, ты представляешь?!» Я гордилась собой в этот момент, хотя старшие коллеги уже не раз делали мне (не студентам!) замечания, как мне следовало бы себя вести. Прошло года три, и *Маша* исчезла, осталась только *Мария Эдуардовна*. И когда лет через десять один из выпускников крапивинской «Каравеллы» на комсомольском собрании стал доказывать, что преподавателям не нужны отчества — вот Владислава Крапивина все называют *Слава* и на «ты», а уважают так, как никому не снилось, я уже никак не могла согласиться с ним. Конечно, за глаза многих учителей называют по имени или по прозвищу, причем такая практика может означать и уважение, и пренебрежение, а может вообще не нести в себе особой оценки, но обращение по имени-отчеству к учителю — комфортное прежде всего для школьника признание авторитета не только конкретного педагога, но и школы в целом. Оно снимает ненужную фамильярность, определяет существование некоей иерархии отношений. Пожалуй, именно в школе обращение по имени-отчеству наиболее полно реализует свою статусную функцию. И это свойство именно русского отчества — в других культурах для выполнения этой функции существуют другие языковые средства.

В остальных случаях, по справедливому замечанию Андрея Бильжо, именование по имени-отчеству выглядит достаточно факультативно, и многое зависит от характера корпоративных отношений. Нередко каждый представляет себе общее положение вещей, исходя только из своего опыта:

Зайдите в любую контору, где работают люди самого разного возраста, — все обращаются друг к другу на «вы» и по имени (Вера Шенгелия).

Таких «любых контор», наверное, достаточно много, особенно таких, в которых часто приходится принимать зарубежных партнеров. Но варианты оказываются гораздо более разнообразными, в том числе предполагающими использование формулы «имя + отчество», и даже только отчества. В связи с этим интересный пример представляет коллектив, изображенный в телевизионном сериале «Морозова» (телеканал «Россия 1»), — следователи и эксперты в местной полиции используют следующую номинативную практику: старшее поколение (впрочем, еще далеко не старцы) называет друг друга по отчеству — *Борисыч, Михална, Петрович*; молодежь мужчин называет по отчеству, дам — по имени-отчеству (*Анна Михайловна, Елена Евгеньевна*); старшее поколение молодежь называет по именам (*Валера, Ирочка, Филипп*). Возможны также обращения по фамилии; исключительно по фамилии за глаза называют начальство. Представляется, что это более типичная картина современного делового общения, которую трудно подогнать под «однотонный» стереотип. Возможности варьирования внутрисоциумного антропонимикона безграничны, и отчества играют здесь немаловажную роль.

Подводя итоги, подчеркнем высокий уровень «социализированности» отчества как части личного именования. Отношение к отчеству связано с семейными и корпоративными традициями, его употребление нередко носит очень индивидуальный характер и оценивается, соответственно, тоже индивидуально. Вот несколько замечаний участников кафедрального семинара, посвященного отчествам:

У нас в лицейской общаге обращение по имени-отчеству существовало без каких-то особых условий или, может быть, только чтобы обратить внимание. Никто не отказывался от отчества, даже наоборот — это было отличительной чертой близких друзей.

Напакостившая *Ариша* в диалоге со мной часто становится *Ариной Сергеевной*.

В домашней среде меня муж иногда называет *Ольга Валерьевна*. Мне это ужасно не нравится (особенно из его уст). В этом случае на меня отчество как бы накладывает социальный отпечаток (то, что я преподаватель, к тому же немолодой) [*Ольга Валерьевне* чуть больше 30 лет. — *М. Р.*]. Исчезает как бы равенство между мной и мужем (возрастное, дружеское). А муж это употребляет иронически, иногда с определением: *целая Ольга Валерьевна*. Для него это наименование подобно обращению к маленькому ребенку, который ведет себя несерьезно.

Все эти *Андревна, Васильна, Сергеич* по отношению к Вашим ученикам [высказывание обращено к преподавателю. — *М. Р.*] прочитываются как особая степень уважительной фамильярности.

Мне не нравится, когда меня рецензент на защите курсовой называет *Татьяна Леонидовна* — я пока еще не кандидатскую защищаю. Но рецензента я, конечно, назову по имени-отчеству, даже если мы с ней в экспедиции были в одной группе и всегда на «ты» и по имени. Статус диктует.

Данные заметки в какой-то степени были реакцией на утверждение организатора дискуссии в интернете: «Отчества отвалились» (Вера Шенгелия). Что ж, и это пример индивидуального отношения к отчеству. Закончим еще одним индивидуальным суждением, с которым вполне солидарны:

Ну что за вопрос? [Нужны ли отчества? — *М. Р.*] А снег нам нужен зимой? Одним нужен, другим нет. Но он есть. Не хочешь снега — живи в теплом краю. В русском языке есть отчество. Оно уже не умерло, когда язык открылся французскому (в XVIII–XIX вв.) и английскому (20 лет назад). Значит, оно есть. Живешь на русском языке — прими тот факт, что в нем есть отчество. Я, кстати, редко представляюсь отчеством. Но иногда нужно. А использую отчество собеседника — 50/50, от ситуации. Это, опять же, как со снегом и зимой — можно на лыжах, а можно в бассейн и солярий. Но при этом понимая, что лыжи и снег — естественная вещь для этих широт, а бассейн и солярий — забава, когда вокруг снег. Если совсем снег не любишь — меняй широту. А повелеть снегу не выпадать — не получится (Владимир Тодрес).

Источники

- № 143-ФЗ — Федеральный закон от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» (с изменениями и дополнениями). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758/ (дата обращения: 14.12.2020).
- Астрожникова Н.* Какое отчество мать-одиночка может дать своему ребенку (по закону и по совести) // Letidor : сайт для родителей. 20.03.2019. URL: <https://letidor.ru/psihologiya/kakoe-otchestvo-mat-odinochka-mozhet-dat-svoemu-rebenku-po-zakonu-i-po-sovesti.htm> (дата обращения: 14.12.2020).
- Ложь в моем паспорте. Я хочу отказаться от отчества // Культурное животное. 10.12.2019. URL: https://zen.yandex.com/media/kniga_zzdoo/loj-v-moem-pasporte-ia-hochu-otkazatsia-ot-otchestva-5deecbe8c49f2900abb2197b (дата обращения: 14.12.2020).
- Отчества не нужны // Блог Павла Молянова. 14.03.2019. URL: <http://molyanov.ru/patronymic/> (дата обращения: 14.12.2020).
- Шенгелия В.* Нужно ли нам отчество // Сноб. 23.11.2010. URL: <https://snob.ru/selected/entry/27587/> (дата обращения: 14.12.2020).

Исследования

- Норман Б. Ю.* Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017.
- Норман Б. Ю., Райнохова Н.* Отчество как один из символов русской культуры // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 323–336. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.031

Рукопись поступила в редакцию 15.12.2020

* * *

Рут Мария Эдуардовна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: moerut@yandex.ru

Ruth, Maria Eduardovna

DrHab, Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: moerut@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6253-5711>

Maria E. Ruth

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

SOME CONSIDERATIONS ON RUSSIAN PATRONYMICS

These notes were inspired by a recent article by Boris Norman and Natalja Rajnochová on the role of patronymics in the Russian naming tradition and culture (Voprosy onomastiki, 2020, Vol. 17, Iss. 2). Without disputing its provisions in any way, the author attempts to take a closer look into the present tendency to omit patronymics or even abhor their use. Recognizing this as a growing trend in the Russian culture, the author reflects upon its causes, foremost of which is the general aversion for all the formal manifestations of the Soviet system. Since the use of patronymics (in the official formula) became mandatory exactly after 1917, it is commonly perceived as a Soviet relic. The second reason is the adoption of Western naming practices not requiring the use of a father's name — due to Russia's greater involvement in the international communication, extensive overseas travelling, and fluency in foreign languages, primarily English. The issue of the required use of patronymic in official documents is particularly acute when children from mixed families obtain Russian citizenship. Other factors for doing away with patronymics include Russian media language, as in most news programs and talk shows it is carefully avoided, and the increase in the number of single-parent families (no father) where the need to register a patronymic entails complex formal and ethical problems. Yet, however pertinent these problems are in the modern society, the author considers them relatively marginal and argues the relevance of patronymics for modern Russian culture and the naming practice. The author supports this view by giving evidence from Internet forums, as well as the author's personal experience.

К е у о р д с : personal name, patronymic, patronymic functions, naming practice, official naming, father's name, matronym, Russian personal names.

Norman, B. Yu. (2017). *Pragmaticheskii potentsial russkoi leksiki i grammatiki* [The Pragmatic Potential of Russian Vocabulary and Grammar]. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi.

Norman, B. Yu., & Rajnochová, N. (2020). Otchestvo kak odin iz simvolov russkoi kul'tury [Patronymic as a Symbol of Russian Culture]. *Voprosy onomastiki*, 17(2), 323–336. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.031

Received on 15 December 2020